Денис Сивков

Рецензия на книгу:
Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

What if?

В то время как большинство из нас безуспешно пытается, по удачному выражению Виктора Вахштайна, «натянуть ANT и STS на свои объекты исследования» — город в целом и систему ЖКХ отдельно взятого города, музейные коллекции, маршрутные такси и городские парки, диаспоры и сообщества официантов, возможно, стоит задуматься о чем-то другом. Что, если мы не можем так просто взять и воспользоваться методологией акторно-сетевой теории как отчужденным средством для анализа интересующих нас объектов? Что, если в нашей голове (или где это может быть?) уже присутствуют некоторые трансформированные в режиме испорченного телефона обрывки данного подхода, которые мы имплицитно используем, когда говорим о так называемом обществе? Что, если использовать любимую Латуром метафору: ANT — это такой радиоактивный черный ящик, который фонит незаметно и непредсказуемо?

В этом смысле задача, которая стоит перед нами, — не только раскрыть этот ящик, как посоветовал бы нам Латур, а, напротив, спрятать его как можно глубже. Нужно не просто войти внутрь (in), как предлагает перевод названия данной книги, ящика ANT и STS вслед за Латуром и другими исследователями, но также пройти сквозь (through) него и покружить вокруг ящика, поняв не только то, что может быть внутри, но также то, что перед ним и за его пределами. Если использовать терминологию Канта, нам следует выявить трансцендентальные основания и следствия латуровского текста.

Сивков Денис Юрьевич — доцент кафедры философии и социологии ВФ РАНХиГС. Научные интересы: философия иммунологии, медицинская антропология, теоретическая социология. E-mail: d.y.sivkov@gmail.com

Black Box

Итак, «Наука в действии» сообщает нам нечто интересное об априорных основаниях латуровской мысли. Конечно, общим местом стал разговор о влиянии на Латура таких авторов, как Тард, Греймас или даже Делез. Однако текст «Науки» указывает и на иные, не менее любопытные влияния. В первую очередь речь идет об общей теории систем или о кибернетической парадигме. Латур заимствует не только само понятие черного ящика (black box): «Кибернетики используют термин „черный ящик“ всякий раз, когда машина или набор команд являются слишком сложными. На их месте они рисуют маленький квадрат, о котором не нужно знать ничего, кроме того, что у него есть на входе и на выходе» [с. 25], и далее: «когда множество элементов действуют как единое целое, и возникает то, что я буду называть черным ящиком» [с. 214].

Таким образом, технонаука — это такая специфическая деятельность по открыванию и закрыванию черных ящиков. Помимо идеи «black box» французский социолог берет в кибернетике идею о том, что любой черный ящик распаковывается в систему множества переменных, откуда вырастет латуровское понятие сети, состоящей из множества акторов. Например, Грегори Бейтсон в статье, посвященной «кибернетике „Я“», показывает, как простое, казалось бы, действие «я срубил дерево» разворачивается в контур, состоящий из множества переменных. «Представим себе человека, рубящего дерево топором, — писал Бейтсон. — Каждый удар топора модифицируется или корректируется в соответствии с формой заруба, оставленного на дереве предыдущим ударом. Этот самокорректирующийся (т. е. ментальный) процесс представлен полной системой „дерево => глаза => мозг => мышцы => топор => заруб => дерево...“» [Бейтсон, 2000, с. 339]. Ключевое сходство Бейтсона и Латура в том, что человеческие и нечеловеческие компоненты контура не имеют никаких преимуществ друг перед другом.

Кроме того, границы «Я» оказываются проблематичными и подвижными. Латур выступает против персонализации научных открытий и убедительно показывает, что научное открытие — это результат действия и противостояния множества сил. В диффузной модели науки «изображают изобретателей такими мощными, что у них должно быть достаточно сил, чтобы придать своим детищам нужное ускорение! В результате этого преувеличения великие жены и мужи науки превращаются в гениев мифологического масштаба» [с. 218].

В этом смысле любопытным оказывается факт, что у двух посткритических социологов Брюно Латура и Никласа Лумана могут

оказаться общие корни. Правда, если для Латура актуальна идея множества переменных, то Луман берет у Бейтсона и кибернетиков принцип обратной связи (возвращающейся для повторного входа в петлю субъективности) и различающего различия (a difference that makes a difference).

À la guerre comme à la guerre

Другим источником латуровской мысли, как ни странно, является критическая теория общества. Странно потому, что Латур известен как последовательный критик критической теории общества и, в частности, социологии Пьера Бурдье [Latour, 2004]. Базовой метафорой в «Науке в действии» является развернутая милитаристская метафора с множеством мобилизационных и фортификационных концептов. При раскрытии черных ящиков выясняется, что наука представляет собой поле боя; «просто все мы сражаемся за выживание в различных мирах» [с. 310]. Можно проследить истоки лаутровской мысли в *bellum omnium contra omnes* Гоббса или учении о воли к власти Ницше. Однако, по-видимому, данное влияние связано с одной, почти родственной связью, от которой Латур так и не смог избавиться. Сама идея раскрытия черного ящика и разворачивание его содержимого в поле боя, так или иначе, связана с риторикой подозрения, характерной для критической теории общества П. Бурдье.

В этом же боевом ключе Латур корректирует принцип симметрии сильной программы в социологии знания Д. Блура: «форма ее объяснений должна быть симметричной. Одни и те же типы причин будут объяснять, например, истинные и ложные представления» [Блур, 2002, с. 5]. Латур считает, что этот принцип на деле оказывается асимметричным, так как на поле боя технонауки должна победить одна из сторон, мобилизовав акторов на свою сторону. Как говорит Латур, «не надо нам и предполагать, что все эти ассоциации равны между собой, поскольку они сами прилагают все усилия, чтобы связать между собой максимальное количество гетерогенных элементов и стать неравными другим» [с. 321]. В этом смысле «победить» одной из возможных альтернатив означает превратить ситуацию множества переменных в непрозрачный черный ящик научного факта, утверждения или изобретения.

Бурдье [2005] влияет на Латура в идее политического представительства. Латур пишет: «Я предлагаю называть тех, кого кто-то представляет, будь то люди или вещи, **актантами**» [с. 143]. Таким образом, понятие актанта связано не только с Греймасом, но и с Бурдье, поскольку актуализация актантов бессмысленна без делегирования. Для Бурдье и Латура важно подчеркнуть, что представитель не действует в одиночку, за ним всегда стоит

множество действующих лиц. Латур, конечно, идет дальше Бурдье, так как представляет не только людей, но и вещи: «нам важно не ограничивать понятия представителя и не проводить заранее четких различений между вещами и людьми» [с. 125].

Итак, Латур постоянно рассуждает о представительстве и войне. По его мнению, некорректно говорить, что Наполеон вел французскую армию в Россию или выиграл (проиграл) битву при Бородино, так же как нельзя сказать, что Дизель изобрел двигатель внутреннего сгорания.

Смерть Бонифация

Другой, не менее важный исток латуровской мысли — антропология. Латур сам имел опыт этнографического исследования в лаборатории, который он вместе с Вулгаром описал в «Лабораторной жизни». Антропология в лаборатории дает исследователю технонауки уникальное методологическое средство: она позволяет занять нужное место между беспредпосылочным знанием «абсолютного новичка» и знанием о науке самих ученых, которые считают себя монополистами на производство данного знания. С одной стороны, люди в лаборатории — это некоторое незнакомое и даже экзотическое племя, с другой стороны, антрополог все же способен на предварительное понимание действий ученых и инженеров [Латур, 2012, с. 178–179].

Наука — это всегда некоторое количество хорошо рассказанных историй. Несомненно, Латур — мастер рассказа и пересказа. Одно из действенных средств убеждения на фронте технонауки, о котором Латур не упоминает, это не просто риторика, а своего рода мистерия рассказа. Среди множества эмпирических примеров «Науки в действии» уместно будет привести одну антропологическую историю, которая является событием из жизни самого Латура. Лично мне эта история запомнилась больше, чем трагический рассказ о самоубийстве Дизеля или изобретение цветных закладок для книг. Возможно, именно эта история про туземца Бонифация отсылает к некоторым российским реалиям технонауки.

В июне 1974 г. Латур и его коллеги собрались где-то на побережье Берега Слоновой Кости для празднования защиты докторской диссертации французского антрополога Марка Оже. Праздник проходил в родной деревне Бонифация — информанта Оже. Выпив и закусив, европейцы захотели искупаться в океане. Бонифаций всячески предостерегал европейцев от данной затеи из-за опасных океанических течений. Один из коллег Латура, видимо, под воздействием горячительного, не внял просьбам аборигена. Бонифаций, считая себя хозяином, пригласившим гостей, вынужден

был последовать за европейцем. В результате европейца живого выбросило на берег, а Бонифаций утонул. Латур считал, что именно его коллега — причина смерти Бонифация и испугался расправы. «Я чувствовал свою ответственность как европеец и страшно злился на своего друга, другого европейца, из-за которого трагически погиб наш хозяин. А еще я боялся, что жители деревни, точно так же проинтерпретировав события, обратят свой гнев на нас. Я крепко прижимал к себе свою дочь в надежде защитить ее» [с. 319]. Через некоторое время тело Бонифация выбросило на берег, и местные жители устроили расследование причин его смерти. Однако их рассуждение принимало во внимание совсем иные факты. Было решено, что в смерти виновата дальняя родственница Бонифация. Латур вспоминает: «Я распределил причины и следствия, ответственность и чувства вины и стыда, определил для себя связи между людьми, находящимися на пляже, но старейшины, собравшиеся вокруг утопленника, распределили и определили это все для себя совершенно иначе. В двух получившихся системах связей циркулировали тревога, злость и страх, жажда истины, тщательность в ее установлении и вера, но проведенные линии соединили в итоге разные точки» [с. 319].

Другими словами, антропология учит нас, что всегда есть альтернативное объяснение события, возможно, даже не одно. Ни одна из причинно-следственных цепочек, состоящих из множества переменных, не имеет преимущества перед другой цепочкой; эти цепочки равнозначны, нет правильного объяснения, кто б ни признавался виноватым в смерти Бонифация — коллега Латура или тетка информанта. Здесь Латур в рамках уже упомянутого принципа симметрии вслед за антропологами выступает против наследия европоцентризма и против романтики этноцентризма в духе Леви-Стросса: каждый раз мы сталкиваемся всего лишь с еще одним объяснением. Это антропологический принцип как нельзя лучше помогает понять, что такое технонаука в ее становлении.

Концепты

«Наука в действии» — это уже STS, но еще не ANT. Однако именно здесь наметились контуры ряда важных для онтологии акторно-сетевой теории концептов.

Социальное

Для посткритической социологии Б. Латура важно переформатирование понятия социального. В творчестве Латура

было несколько таких переформатирований: самое радикальное в «Пересборке социального», одно из первых в «Науке в действии». Итак, в общество входят не только люди, но также и вещи. Социальное связано не с людьми, а с актантами — с теми, кто оказывает воздействие или сопротивление. Критерием социальности при этом будет количество актантов — сторонников, рекрутированных ученым под свои знамена. В этом смысле «если быть в одиночестве, в окружении, без помощи и поддержки не является социальным действием, то тогда и ничто другое не может им являться» [с. 110].

Сеть

Латур установил, что черные ящики технонауки производятся в специальных местах, называемых лабораториями. В этих дорогостоящих местах концентрируется большое количество разномастных актантов. В этой связи французский социолог изобретает понятие сети. По Латуру, сеть позволила бы понять, как небольшое количество людей способно «накрыть весь мир», захватить умы большого количества людей в разных местах мира. «Термин „сеть“ указывает на то, что ресурсы сконцентрированы в нескольких местах — узлах, или точках пересечения, которые соединены друг с другом, — связями, теми нитями, которые образуют ячейки сети» [с. 283].

Проще говоря, сеть — это метафора для того, что состоит не только из связей, но и из дырок. Латур сравнивает сеть с телефонными линиями, которые «тонки и непрочны, так тонки, что их не видно на карте, и так непрочны, что их легко перерезать; тем не менее, телефонные сети „накрывают“ весь мир» [с. 283].

Наиболее важным свойством сетей является их гетерогенность. В этом смысле аналогом сети выступает дорожная карта: «все пути куда-то ведут независимо от того, тропинки это, проселочные дороги, шоссе или международные трассы, но не все они ведут в одно и то же место, не на всех одинаково интенсивное движение, и цена строительства и ремонта у них разная <...> Единственное, что нам нужно знать об этих социологических путях — это куда они ведут, сколько людей и на каком транспорте перемещаются по ним и насколько легко по ним ехать, а совсем не то, верны они или нет» [с. 321].

Реальность

При этом возможности комбинирования сетей и управления сетями ограничены. Латур описывает бои за технонауку как игру в регби, в которой мяч ведет себя непредсказуемо для игроков. Латур пишет

про актанты следующее: «Вместо того, чтобы быть проводниками или полупроводниками, они становятся *мультипроводниками,* и их проводимость совершенно непредсказуема» [с. 172]. В этой связи для французского социолога очень важным становится понятие реальности: «реальность, как показывает латинский корень *res*, — это то, что *resist,* сопротивляется. Чему она сопротивляется? *Испытаниям силы*» [с. 158]. Понятие реальности при всей его архаичности и проблематичности позволяет Латуру, с одной стороны, оставаться в русле онтологического поворота, с другой стороны, смягчить оппозицию между материальным и идеальным, а также между людьми и нечеловеками. Позже в «Ирредукциях», пожалуй, наиболее важном для ANT тексте, представление о реальности как сопротивлении будет уточнено и развито: «Реально то, что сопротивляется испытаниям. Глагол „сопротивляться" не является привилегированным словом. Он используется для обозначения всей совокупности глаголов и прилагательных, орудий и приборов, которые вместе определяют способы быть реальным. Мы равным образом можем сказать «свертываться», «сгибаться», «загораживать», «обострять», «скользить» <...> Реальное — это не вещь среди других вещей, но скорее градиент сопротивления. Не существует различия между «реальным» и «нереальным», «реальным» и «возможным», «реальным» и «воображаемым». Скорее, все это различие между теми, кто сопротивляется длительное время, и теми, кто этого не делает, между теми, кто сопротивляется самоотверженно, и теми, кто нет, между теми, кто знает, как вступить в союз или изолировать себя, и теми, кто этого не знает» [Latour, 1988, p. 158–159].

После технонауки

Одним из ключевых тезисов «Науки в действии» является следующее положение: «судьба научных фактов и машин находится в руках тех, кто ими будет пользоваться в дальнейшем» [с. 105]. Латур все же полагает, что демиургическими способностями по построению сетей обладают только ученые и инженеры. В этом смысле он следует и следит только за учеными и инженерами, за их разборками. И хотя у Латура с самого начала возникает фигура недоверчивого читателя, пользователи научных фактов и машин оказываются за пределами данной книги. Вопрос о распространении науки Латур предполагает решить позднее: «Если мы хотим дойти с учеными до самого конца, необходимо изучать и обратное движение от центра к периферии» [с. 381].

Очевидно, «Наука в действии» дала толчок исследованию проблемы распространения научного знания. После Латура

стало ясно, что науке и технологии не принадлежит монополия на конструирование фактов и машин. Например, как убедительно показала американский антрополог Эмили Мартин, иммунные системы создаются/выявляются в совершенно различных референтных группах. В их обнаружении участвуют не только ученые и врачи, но также те, кого называют «простые люди» в общинах и домохозяйствах, представители нетрадиционной медицины, больные СПИДом и др. [Martin, 1994].

Кроме того, Латур предполагает возможность если не окончательной, то более или менее устойчивой промежуточной стабилизации баталий. Тем не менее, как показывают некоторые позднейшие исследования, подобная стабилизация может оказаться проблематичной. Так, Анн-Мари Мол в известной работе «Множественное тело» показывает, что существуют две официальные версии объяснения атеросклероза в лаборатории и клинике, а значит, стабилизации не происходит [Mol, 2002]. Работа Мол показывает, что вполне возможна такая ситуация в технонауке, когда латуровский черный ящик остается открытым.

Конечно, в данной рецензии я смог упомянуть и разобрать лишь малую часть сюжетов «Науки в действии».

Кроме того, внимательный читатель без труда сможет заметить в данном тексте неточности и смысловые разрывы. Отчасти это было сделано намеренно в надежде на то, что такого рода недосказанность может инициировать самостоятельное чтение книги Латура от начала до конца.

Библиография

1. *Бейтсон Г. Кибернетика «Я»: теория алкоголизма // Бейтсон Г. Экология разума. М.: Смысл, 2000, с. 331–358.*
2. *Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 1–24.*
3. *Бурдье П. Делегирование и политический фетишизм // Бурдье П. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2005, с. 157–178.*
4. *Латур Б., Вулгар С. Антрополог посещает лабораторию // Социология власти. 2012. № 6–7 (1). С. 178–234.*
5. *Latour B. The Pasteurization of France. Cambridge; London: Harvard University Press, 1988.*
6. *Latour B. Why Has Critique Run out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern // Critical Inquiry. 2004. № 30. P. 225–248.*
7. *Martin E. Flexible Bodies: The Role of Immunity in American Culture from the Days of Polio to the Age of AIDS. Boston: Beacon Press, 1994.*
8. *Mol A. The Body Multiple: Ontology in Medical Practice. Durham: Duke University Press, 2002.*